

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: ЗА И ПРОТИВ

*Работа представлена кафедрой романской филологии СПбГУ.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. М. Ушакова*

В статье идет речь о примечаниях переводчиков и их роли в тексте перевода. Примечания переводчика рассматриваются как с позиции теории перевода, так и с позиции переводческой практики. Сравнение примечаний переводчика с авторскими примечаниями позволяет сделать вывод об их особом значении как для переводимого произведения, так и для читателей перевода.

Ключевые слова: примечания переводчика, фоновые знания, переводческая стратегия.

T. Alekseitseva

TRANSLATOR'S NOTES: PROS AND CONS

The paper deals with translator's notes and their role in the target text. Translator's notes are analysed both from the translation studies perspectives and from the perspectives of translation practice. The comparison of translator's and author's notes makes it possible to conclude that notes have special importance both for the target text and the target audience.

Key words: translator's notes, background knowledge, translator's strategy.

Примечания переводчика являются неотъемлемой частью переводческого процесса и тем не менее редко подвергаются детальному и непредвзятому анализу. О примечаниях переводчика можно услышать такие резкие замечания, как «позор переводчика»,

«признание собственного бессилия», «проявление некомпетентности» и т. д. Насколько правомерны подобные высказывания? Являются ли переводческие комментарии абсолютным «злом» или же это один из обычных приемов в арсенале переводчика? Для ответа

на этот вопрос необходимо рассмотреть проблему переводческих комментариев с теоретической и практической точек зрения.

В связи с чем возникает необходимость в примечаниях? При переводе в соприкосновение входят не тексты на разных языках, а лингвокультуры, так как за словами стоит все то невысказанное, но подразумеваемое автором, что является достоянием представителей этой лингвокультуры. В своей работе *Interpréter pour traduire* М. Ледерер и Д. Селескович отмечают, что относительно выражаемых идей материальная форма высказывания является скорее указанием, намеком, чем описанием. В нормальной ситуации общения говорящий сообщает только неизвестную часть, в то время как слушающий дополняет услышанное тем, что ему уже известно [23, р. 38]. При переводе препятствий на пути успешной коммуникации становится значительно больше ввиду сокращения известной и увеличения неизвестной частей сообщения. Соответственно, если автор произведения считает что-то само собой разумеющимся для читателя исходного текста, то из этого еще не следует, что это будет также понятно и очевидно для читателя перевода [7, с. 155].

Примечания являются одним из эксплицирующих способов, помогающих восполнить в переводе ускользающую от нового читателя часть подразумеваемой информации.

Примечания переводчика поднимают сразу ряд теоретических вопросов переводоведения, от проблемы переводимости до роли переводчика и вечного спора о верности «букве» или «духу» оригинала.

Несоизмеримость лингвокультур делает невозможным перевод, который являлся бы точной копией оригинала в принимающей культуре, т. е. перевод без потерь. В этом контексте примечания переводчика и другие эксплицирующие приемы могут рассматриваться двояко: как доказательство непереводимости, если от перевода требуется полная эквивалентность, или же, как свидетельство того, что средствами другого языка можно, так или иначе, передать практически все.

Впрочем, основные претензии к переводческим комментариям выдвигаются в связи с тем, что переводчик превышает свои полномочия и перестает быть простым посредником между оригиналом и иноязычной читательской аудиторией.

С одной стороны, сноски, если учитывать их местоположения (в конце страницы или тома) и авторства (переводчик, редактор, критик), представляют собой внешний текст по отношению к исходному авторскому тексту. Наличие затекстового комментария отрывает читателя от повествования, заставляя отвлекаться, искать значение незнакомого слова и выходить из прямого с ним взаимодействия [3, с. 85]. К. Ландерс в своем практическом справочнике художественного перевода отмечает, что примечания разрушают «миметический» эффект, т. е. попытку большинства писателей создать иллюзию переживания читателем описываемых событий [18, р. 93].

С другой стороны, согласно Л. К. Латышеву и А. Л. Семенову, общественное предназначение перевода заключается в том, чтобы «обеспечить двуязычную коммуникацию в максимальной степени «по образу и подобию одноязычной»» [6, с. 8]. Продолжая далее развивать эту мысль, авторы отмечают, что любые явные вмешательства переводчика вступают в противоречие с общественным предназначением перевода [6, с. 133]. Согласно этой точке зрения переводчик должен оставаться невидимкой и ничем не обнаруживать свое присутствие. Этот эффект вполне достигается всей переводной литературой – когда мы читаем по-русски романы В. Гюго, Ч. Диккенса и т. д., мы не отдаем себе отчета в том, что мы читаем на самом деле не Диккенса и не Гюго, а их переводчиков.

Решение применять или не применять сноски зависит, таким образом, от общей переводческой стратегии.

Если переводчиком принимается постулат о незаметности осуществляемого им посредничества и о необходимости создать на языке перевода текст, который читался бы как любой оригинальный текст, написанный

на этом языке, то такую переводческую стратегию можно сопоставить с «верностью читателю перевода» и с приоритетом «духа» над «буквой».

Поскольку переводчик старается не выдать своего присутствия и не нарушить процесс прямого взаимодействия читателя с текстом, то его целью будет ввести недостающие культурологические знания непосредственно в текст, либо добавляя необходимую информацию, либо давая возможность читателям восполнить пробелы по мере чтения. Примечание рассматривается в таком случае как поражение переводчика, не справившегося со встретившейся переводческой проблемой.

Сторонники верности оригиналу стремятся познакомить читателя с исходным текстом во всей его чуждости и своеобразии, повысить уровень знаний читателей, углубить понимание чужой лингвокультуры.

Поскольку никакие изменения и включения недопустимы в самом тексте с точки зрения такой переводческой концепции, то недостающие фоновые знания предлагаются читателям в паратексте, т. е. во внешнем по отношению к авторскому тексту [16, p. 7].

Всю работу, проделываемую переводчиком вокруг переводимого текста, Антуан Берман называет «опорой перевода» – *«l'étayage de la traduction»* – что включает введение, предисловие, послесловие, сноски, глоссарий и т. д. Перевод, лишенный своей опоры, не сможет донести до нового читателя чуждый для него мир во всей своей сложности: *«La traduction ne peut pas être “nue” sous peine de ne pas accomplir la translation littéraire»* [12, с. 68].

Таким образом, с точки зрения теории, мы имеем два противоположенных подхода к примечаниям переводчика, происходящих из вечных вопросов переводоведения – дихотомии «буквы» и «духа» и понятия самого перевода, т. е. того, каким он должен быть.

С одной стороны, резкие замечания по поводу переводческих комментариев встречаются не только в работах теоретиков, но и практиков перевода. Тем не менее многие из этих замечаний направлены не против при-

мечаний переводчика вообще, а лишь против определенных видов примечаний. Так, известная переводчица Н. Галь называет «расписной переводчик в собственном бессилии» сноску, появляющуюся рядом с игрой слов, которую переводчик расценивает как непередаваемую [4]. Она также критически относится к изобилию примечаний, объясняющих слова, оставленные «принципиально» без перевода, так как это серьезно затрудняет чтение и делает его скучным, особенно для детей.

С другой стороны, наличие комментариев в современных переводах и в переводах прошлых лет является неоспоримым фактом. Частое использование примечаний формирует у читателей привычное отношение к этому переводческому приему, а также формирует соответствующие ожидания читателей. Другими словами, привычное использование переводческих комментариев само по себе является нормообразующим фактором.

В наши цели не входит рассмотрение переводческих комментариев в исторической перспективе, поэтому обратимся к произведениям XX и XXI вв. и их переводам на французский и на русский языки.

В качестве примера произведений XX в. мы взяли трилогию «Семья Резо» Э. Базена и ее перевод на русский язык (каждый из романов трилогии был переведен разными переводчиками с некоторым временным разрывом) [1; 9; 10; 11] и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на французский язык* [2; 13]. А в качестве современных произведений предлагается привлечь перевод на французский «Казуса Кукоцкого» Л. Улицкой [8; 21] и перевод на русский романа А. Гавальды «Просто вместе» [5; 15].

Во всех переводах вышеперечисленных произведений имеются примечания переводчика*: Э. Базен «Змея в кулаке» – 6 примечаний, «Смерть лошади» – 7, «Крик совы» – 19, А. Гавальда «Просто вместе» – 129, М. Boulgakov «Maître et Marguerite» – 8, L. Oulitskaïa «Le cas du docteur Koukotski» – 21. Учитывая особенности содержания и стиля изложения каждого из этих произведений, а также направление перевода, в каждом случае

характер примечаний переводчика может быть разным. Тем не менее нам удалось выделить три основные группы примечаний: культурологические (восполняющие фоновые знания культурного, исторического, социального и бытового характера), интертекстуальные (ссылки на другие произведения) и металингвистические (цитаты на иностранных языках, игра слов, другие факты языка).

Особенно хочется обратить внимание на количество примечаний в переводе романа А. Гавальды. Можно по-разному относиться к такому изобилию комментариев (и, с нашей точки зрения, далеко не все из этих 129 комментариев оправданы), но важнее тот факт, что подобные современные переводы участвуют в формировании читательских ожиданий и создают определенную готовность со стороны читателей принимать наличие примечаний как данность.

Переводческие комментарии в какой-то степени можно сопоставить с авторскими комментариями, которые появляются в оригинальном тексте в случае, если описываемые в произведении события отнесены от читателя во времени или пространстве.

Так, например, поступает французский писатель Гийом Мюссо в своем романе «Et après», действие которого происходит в Америке [20]. На 357 страниц романа приходится 14 примечаний культурологического, интертекстуального и металингвистического характера (переводы на французский язык фраз на испанском и английском). Также поступает и Марк Леви в романе «Et si c'était vrai» [19], в котором на 252 страницах текста помещены 10 примечаний, и это несмотря на то, что автор, в отличие от переводчика, имеет полную свободу в выборе средств изложения и передачи иностранных реалий.

Примечания в этих двух романах французских авторов имеют определенную функцию, которую не достичь другими способами передачи реалий. Сохраняя чужие реалии (а не генерализируя или не заменяя их функциональными эквивалентами), авторы переносят своих читателей в другую действительность. Тот факт, что за введенными в повествование реалиями не идет никакого

внутритекстового комментария (парафразы, описательного перевода), создает эффект «близости» («effet de proximité»), о котором говорит Ж. Ру-Фокар: «le texte le met [met le lecteur] de force dans la peau d'un lecteur qui connaît ce monde, même si, en réalité, il ne le connaît pas» [22, p. 283]. Другими словами, сам текст вынуждает читателя воспринимать все как известное. Учитывая, что это не совсем так, автор вводит примечания, вынося тем самым объяснения за основной текст.

Ж. Ру-Фокар отмечает, что текст сообщает читателю тот эффект, который тот должен воспринять. Эффект оказывается стратегией текста. Рассматривая сигналы, заложенные в тексте и создающие «эффект близости» или «эффект дистанции», исследовательница помещает примечания в категорию признаков, создающих «эффект дистанции». Тем не менее мы полагаем, что поскольку комментарии, вынесенные в примечания, исключаются по своей функции и местоположению из основного текста, то они не могут напрямую влиять на эффект, создаваемый текстом.

То же самое происходит и с примечаниями переводчика. Если не учитывать некоторые неудобства для читателя (необходимость отвлечься от основного повествования), примечания переводчика имеют неоспоримые достоинства. Во-первых, примечания позволяют сохранить в тексте элементы чужой культуры. Во-вторых, использование затекстовых комментариев, являющихся дополнительной опорой для читателя (у читателя всегда есть выбор читать или не читать комментарий), не нарушает «эффекта близости», получающегося в результате использования элементов чужеродной лингво-культуры без непосредственных разъяснений в самом тексте.

Более того, примечания переводчика используются достаточно широко в современной переводной литературе как на русском, так и на французском языках. Появление авторских примечаний, сходных по своей цели и структуре с примечаниями переводчика, в произведениях, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, свидетельствует об уже сложившемся привычном отношении читателей к примечаниям.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В статье рассматривается перевод «Мастера и Маргариты» Булгакова [2] на французский язык К. Лили, вышедший в 1968 г. [13]. Второй перевод этого романа Ф. Фламан [14] был выпущен в 2004 г. издательством «Pléiade», «ученым» изданием, где на переводчика ложится задача не только перевести произведение, но и выступить в роли биографа, комментатора и критика. Учитывая особые цели этого издания и обширные биографические, исторические и критические комментарии, мы, как верно замечает Ж. Анри, не можем рассматривать такие издания наряду с «обычными» изданиями, чьей целью является просто познакомить читателя с литературным произведением, написанным на иностранном языке [17, р. 64–65]. Переизданный в 2003 г. перевод К. Лили также снабжен большим количеством примечаний «ученого» характера, не имеющих при этом определенного авторства, в то время как примечания переводчика отмечены как таковые.

** Анализ примечаний осложняется тем фактом, что не всегда удастся определить достоверно их авторство. Количество примечаний в переводах Э. Базена в издании 1982 г. несколько расходится с количеством примечаний в издании 1978 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базен Э. Семья Резо. Супружеская жизнь. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1978. 680 с. и переиздание «Эрве Базен», М.: Прогресс, 1982. 512 с.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2003. 446 с.
3. Влахов С. и Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 344 с.
4. Гал Н. Слово живое и мертвое. М.: Международные отношения, 2001. 368 с. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/slovo.html>
5. Гавальда А. Просто вместе / пер. с фр. Клоковой Е. М.: Флюид, 2007. 560 с.
6. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Academia, 2003. 192 с.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода. М.: Наука, 1988. 215 с.
8. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М.: Эксмо, 2003. 464 с.
9. Bazin H. Vipère au poing, Editions Famot. Genève, 1976. 266 p.
10. Bazin H. La Mort du petit cheval, Grasset. Paris, 1950. 316 p.
11. Bazin H. Cri de la chouette, Editions Famot. Genève, 1980. 337 p.
12. Berman Antoine. Pour une critique des traductions: John Donne, Gallimard, Paris, 1994. 275 p.
13. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite, traduit du russe par C. Ligny, Robert Laffont, Paris, 1968; réédition, Pocket, 2003. 582 p.
14. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite et autres romans, textes traduits, présentés et annotés par Françoise, Pléiade, Paris, 2004. 2016 p.
15. Gavalda A. Ensemble, c'est tout, J'ai lu, Paris, 2005. 574 p.
16. Genette G. Seuils, Editions du Seuil, Paris, 1987. 426 p.
17. Henry J. Entre érudition et infamie : la Note du Traducteur // l'Intraduisible, Université Charles-de-Gaulle – Lille III, Villeneuve d'Ascq, 2000. P. 59–70
18. Landers C. Literary Translation. A Practical Guide, Multilingual Matters, Clevedon, 2001. 214 p.
19. Levy, M. Et si c'était vrai..., Robert Laffont, Pocket, Paris, 2000. 252 p.
20. Musso G. Et après..., XO Editions, Pocket, Paris, 2004. 357 p.
21. Oulitskaïa L. Le cas du docteur Koukotski, traduit du russe par Benech, S., Gallimard, Paris, 2003. 518 p.
22. Roux-Faucard G. Transtextualité et traduction: traduire le monde du récit // Identité, altérité, équivalence, Cahiers Champollion, Paris-Caen, 2002. P. 277–292.
23. Seleskovitch D. et Lederer M. Interpréter pour traduire, Dider Erudition, Paris, 2001. 311 p.